

УДК 316.774

А.Шульга,
кандидат социологических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена перспективам феноменологической парадигмы в социологии. Автор рассматривает проблемы внутреннего развития этого подхода в социальных науках. Одной из этих проблем является разное понимание предназначения феноменологии для задач социологии, что проявляется в употреблении термина “феноменологическая социология”. Выходом из этого кризиса развития феноменологии в рамках социальных наук автор предлагает разворачивание обновленной концепции символических универсумов.

Стаття присвячена перспективам феноменологічної парадигми в соціології. Автор розглядає проблеми внутрішнього розвитку цього підходу в соціальних науках. Однією з цих проблем є різне розуміння призначення феноменології для завдань соціології, що проявляється у вживанні терміна “феноменологічна соціологія”. Виходом з цієї кризи розвитку феноменології в межах соціальних наук автор пропонує розгортання оновленої концепції символічних універсумів.

The paper addresses the prospects of phenomenological paradigm in sociology. The author considers the problems of inner development of this approach in social sciences. One of these problems is different comprehension of phenomenology predestination for the problems of sociology that is displayed by the use of the term phenomenological sociology. The author proposes the development of renovated conception of symbolic universes as a way out of this crisis of phenomenology development within the framework of social sciences.

Ключевые слова: феноменология, феноменологическая социология, протосоциология, символические универсумы.

Ключові слова: феноменологія, феноменологічна соціологія, протосоціологія, символічні універсуми.

Keywords: phenomenology, phenomenological sociology, proto-sociology, symbolic universes.

Говоря о перспективе феноменологии в социологии, следует с самого начала определиться с тем, какую роль первая может играть для развития второй. Кроме того, может ли эта связь быть взаимной, иными словами, что каждая из них может дать другой для её обогащения.

Наиболее простой путь в данном контексте назвать использование феноменологического способа мышления для социологических нужд – “феноменологической социологией”. Главные аргументы, обосновывающие использование термина “феноменологическая социология” в первую очередь включают в себя попытки найти близкие методологические позиции между классиками социологии и сторонниками феноменологического подхода, осуществив переформулировку предмета социологии под феноменологическим углом зрения с акцентом на исследование повседневной жизни и смыслотворческой деятельности, что является собой применение наследия Э.Гуссерля для решения социологических проблем. Еще одной попыткой обосновать правомерность “феноменологической социологии” можно считать попытку объявить “феноменологической социологией” систему Г.Гарфинкеля, то есть этнометодологию, которая, по мнению некоторых ученых, является наиболее полным воплощением феноменологического подхода в социальных науках. В этом ключе используется также построение классификаций: очерчивание четырех типов феноменологических социологий в зависимости от специфики анализа — начиная от анализа социальных действий и заканчивая исследованием структур жизнемира.

В свою очередь, противники этого термина и, как следствие иного трактования — предназначение феноменологии в социальных науках, обращаются к трудам Альфреда Шюца, которого и считают фундатором “феноменологической социологии”. Хотя сам А.Шюц не использовал данный термин, тем не менее он никогда категорически не выступал против возможности использования “феноменологической социологии”, как, например, Томас Лук-

ман. Поэтому о его отношении к данному термину можно судить лишь косвенно. В своей работе “Феноменология и социальные науки” он с самого начала пишет, что им будет осуществлена попытка “выявить начальные стадии феноменологического обоснования социальных наук”, а также “будет поднят вопрос о независимости социальных наук, и мы, пойдя дальше Гуссерля, рассмотрим, какую лепту может внести феноменология в решение их конкретных методологических проблем” [5, с.181].

Здесь важны две интенции А.Шюца, которые прослеживаются в его научном поиске: это, во-первых, обоснование социальных наук при помощи феноменологии, а во-вторых, попытка дать им прочный гносеологический фундамент и одновременно преодолеть некоторую ограниченность анализа Гуссерля. А.Шюц указывает, что социальные науки с самого начала принимают феномены социальной реальности как само собой разумеющиеся. Сама возможность понимания и взаимопонимания, intersубъективность, системы смыслов, на которые опирается социальность, принимаются учеными без вопросов. Несмотря на то, что обычные люди создают конструкты первого порядка, а ученые – конструкты второго порядка, и для первых, и для вторых не стоит вопрос о базисе социальной жизни. Таким образом, ученые фактически ничем не отличаются от обычных людей, пребывающих в естественной установке и принимающих возможность социального мира некритически. А.Шюц начинает свое исследование с постановки этих фундаментальных вопросов. И сам же дает ответ: “На эти вопросы нельзя дать ответ с помощью методов социальных наук. Они требуют философского анализа. И феноменология – не только область, названная Э.Гуссерлем феноменологической философией, но даже и феноменологическая психология, – не только открывает простор для такого анализа, но и кладет ему начало” [5, с. 178–179].

Здесь следует вспомнить идеи и научный поиск самого Э.Гуссерля. Ученый указывал на кризис современных ему

наук, причиной которых стала формализация и оторванность от реальной жизни. В своем анализе он больше сосредоточился на естественных науках. Однако поиск Э.Гуссерля вполне применим и к гуманитарным наукам. “Он, – пишет Шюц, – задался целью обнаружить неявные предпосылки, на которых основаны не только все естественные и социальные науки, но даже и современная философия. Он стремился к идеалу “зачинателя” философии в подлинном смысле этого слова” [5, с. 162].

Такой предпосылкой и необходимой точкой возврата для всех наук Э.Гуссерль считал “жизнемир”. А.Шюц широко использовал это понятие в своем анализе. Второй интенцией является то, что А.Шюц не ставил перед собой подобных Гуссерлю амбициозных задач – его целью не было найти первую философию. Вместе с тем он проделал колоссальную работу в области обоснования социальных наук. И, как это обычно бывает, вышел за пределы системы своего учителя. “Мы, – писал А.Шюц – можем сказать, что эмпирические социальные науки найдут свое подлинное основание не в трансцендентальной феноменологии, но в конститутивной феноменологии естественной установки. Выдающийся вклад Гуссерля в социальные науки состоит не в его неудачной попытке конституирования трансцендентальной intersубъективности в пределах редуцированной эгологической сферы, не в непроясненном понятии эмпатии как основы понимания, наконец, не в интерпретации общин и обществ как intersубъективностей более высокого порядка, природа которых должна быть описана эйдетически, но, скорее, в богатстве его анализа, относящегося к проблемам жизненного мира (Lebenswelt), который он намеревался развить в философскую антропологию” [5, с. 159–160].

Итак, из данной цитаты можно выделить следующие важные для нас аспекты. Во-первых, А.Шюца не удовлетворяла концепция трансцендентальной intersубъективности, предложенная Гуссерлем для анализа социальных наук. Во-вторых, одним из главных достижений своего

наставника Шюц считал открытие им сферы жизнемира. И, наконец, в-третьих, А.Шюц разрабатывал собственную систему, названную им “конститутивная феноменология естественной установки”.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Хотя Шюц не во всем соглашался с Гуссерлем и считал предпринятый анализ недостаточным для потребностей социальных наук, в своем исследовании он оставался в пределах трансцендентальной редукции лишь до того момента, как его собственный анализ потребовал выхода за нее. Результатом стала критика теории трансцендентальной intersубъективности, разработанной Гуссерлем в “Картезианских размышлениях” и “Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии” – и, как следствие, заявил о выходе за его пределы, все же, он находился на той же методологически-мировоззренческой платформе, что и Э.Гуссерль. А.Шюц, вслед за своим учителем – Э.Гуссерлем – рассматривал феноменологию как точку зрения, как метод, открывающий для познания новые горизонты. Также как и его наставник, он видел в феноменологии прочный фундамент, на котором должны основываться все без исключения науки, так что все они, по сути, должны быть “феноменологическими”, считал Шюц, и именно поэтому вопрос “феноменологической социологии” для него не стоял. Ведь только феноменология предоставляет социологии и прочим социальным наукам почву для получения обоснованного знания.

Самого Шюца интересовало построение конститутивной феноменологии естественной установки, поскольку в фокусе его внимания было исследование фундаментальных вопросов: как вообще возможна социальность, понимание и взаимопонимание, конституирование и конструирование смыслов, intersубъективность и т.д.

А.Шюц активно использовал наследие Э.Гуссерля и адаптировал его для потребностей социальных наук. Однако результатом его работы возникновение “феноменологической социологии” не стало.

Ученик А.Шюца – Морис Натансон – продолжил линию аргументации своего учителя. Он указал на то, что феноменология является наукой “начал” [10, р. 6].

Именно феноменология является основанием для эмпирической социологии в получении достоверных данных. При этом так же, как и А.Шюц, М.Натансон всячески подчеркивает, что области феноменологии и эмпирических наук находятся на разных уровнях: феноменология завершает свое исследование там, где социальные науки его начинают.

Два выдающихся ученика А.Шюца – Питер Бергер и Томас Лукман – последовательно и подробно обосновывают невозможность существования “феноменологической” социологии и даже абсурдность этого термина. П.Бергер называет сомнительным даже само существование “феноменологической социологии”.

Еще больше внимания использованию термина “феноменологическая социология” уделил друг и коллега П.Бергера – Т.Лукман. Он подобно А.Шюцу убежден в необходимости основания для всех наук, в необходимости иметь общую и критическую теорию знания. Эта задача до сих пор в полной мере не решена, однако “я убежден, – пишет Т.Лукман, – что феноменология, в особенности программа и результат последней работы Гуссерля (“Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология”. – А.Ш.) при определенных обстоятельствах могут закрыть этот пробел” [9, с. 26]. Иными словами, Т.Лукман убежден, что все социальные науки, и социология в том числе, должны быть обоснованы при помощи феноменологического анализа, впервые предложенного Э.Гуссерлем и развитого впоследствии А.Шюцем в анализ структур жизненного мира.

Однако в отличие от М.Натансона и самого А.Шюца, Т.Лукман очень четко и подробно указывает на фундаментальные различия феноменологии и социологии. Феноменология не только является основой для социальных наук,

она имеет качественно другую сущность и метод. Наиболее лапидарно позицию Т.Лукмана по отношению к использованию термина “феноменологическая социология” передает следующая цитата. “Феноменология, – пишет ученый, – является философией, тогда как социология – наукой. Хотя обе имеют дело с эмпирическим, однако каждая в разном смысле: перспектива феноменологии является эгологической, перспектива науки – космологической; метод феноменологии – рефлексивный, метод науки – индуктивный. Целью феноменологии является *описание универсальных структур субъективной ориентации в мире*. Главной целью науки является *прояснение всеобщих характеристик объективного мира*. Поэтому “феноменологическая социология” – это понятийная бессмыслица” [8, с. 196].

Как видим, по мнению Т.Лукмана, феноменология и социология находятся на совершенно разных уровнях познания, с принципиально разных точек зрения.

Феноменология и социология не могут быть механически объединены в “феноменологическую социологию”. Ведь их анализ имеет разные объекты, методы и цели. В отличие от других феноменологов, Т.Лукман подробно раскрывает их характеристики и сравнивает между собой, показывая принципиальные отличия. Социология не может принять в качестве метода конститутивный анализ и исследовать структуры сознания. Равно как и феноменология не использует метод реконструкции исторически ограниченных человеческих конструкторов. Вместе с тем Т.Лукман, также как и другие противники “феноменологической социологии”, считает, что феноменология должна стать “протосоциологией”. Иными словами, она должна стать методологической основой для социологии, задать особый акцент анализа и цель – выявить не критически принятые предпосылки общественной жизни, подробно описать структуры и механизмы конструирования социального мира акторами.

Вопрос использования термина “феноменологическая социология”, по мнению его противников, таким образом, – не просто вопрос предпочтения. В итоге мы можем выделить две главные линии аргументации, почему “феноменологическая” социология невозможна. Первую мы можем условно назвать “функциональной”. Она основывается на раскрытии предназначения самой феноменологии.

Ведь приверженцы термина “феноменологическая социология”, независимо от того, посвятили ли они этому вопросу специальное исследование или же восприняли некритически, для удобства, делают общее очень важное упущение. Даже апеллируя к наработкам Э.Гуссерля, они, как можно убедиться, не схватывают главную интенцию его научного поиска. Все усилия Гуссерля были направлены, как отметил его ученик – А.Шюц, – на поиски “первой философии”. Она должна была стать фундаментом и обоснованием для всех естественных и социальных наук. “Э.Гуссерль надеялся, что подобное исследование, – писал Шюц, – способно разрешить очевидный для нашего времени всеобщий кризис таких наук, как логика, математика, физика и психология, угрожающий именно тем их достижениям, которые представляются наиболее бесспорными.

Подобная характеристика главной цели Э.Гуссерля в состоянии объяснить те огромные трудности, с которыми сталкивается новичок в феноменологии в попытках приклеить ей один из расхожих ярлыков типа идеализма, реализма или эмпиризма. Ни одна из этих хрестоматийных классификаций не может быть адекватной в отношении философии, которая их проблематизирует. Феноменология, стремящаяся обнаружить предельные основания всего философского мышления, завершает свое исследование тем, с чего традиционная философия его начинает” [4, с. 163].

Последняя фраза особенно важна, поскольку прямо указывает на то восприятие феноменологии, которое было

и у Гуссерля, и у Шюца. Феноменология стоит “вне” и, по сути, “над” другими методологиями и гносеологическими течениями. Именно с трансцендентальной феноменологии, по убеждению ее создателя, всё начинается и ею же кончается. А.Шюц также убежден, что феноменология имеет огромный эвристический потенциал, однако ставит перед собой не такие грандиозные планы: ее сфера интереса – это социальные науки. Даже несмотря на то, что его система попала под влияние работ Макса Вебера и Уильяма Джеймса, а также того, что Шюц довольно критически относился к предложенной Гуссерлем концепции трансцендентальной intersубъективности, все же он перенял у своего учителя веру в то, что именно феноменология является незыблемым теоретическим базисом для исследования социального мира.

Исходя из всего этого, Шюц не считал свою систему “феноменологической социологией”. Ведь феноменология дает основу для получения любого знания – это её главная функция и предназначение. Поэтому любая наука, в том числе и социология, должна основываться на ней. Получается, что человек, который в большинстве словарей и учебников считается основателем “феноменологической социологии”, вовсе таковым не является.

Кроме того, важно помнить, что он назвал свою теорию “конститутивной феноменологией естественной установки”. Шюц позаимствовал множество понятий за пределами трансцендентальной феноменологии и, по его же собственному признанию, вышел за ее рамки. Можно сказать, что он нарисовал проект абсолютно новой социологии, которая не является еще одним подходом или точкой зрения, а тем базисом гуманитарных наук, который, наконец-то, найден и который открывает путь к непосредственному исследованию социальной реальности.

Вторую линию критики можно назвать “сущностной”. Её подробно описывает Т.Лукман. Ученый указывает на принципиально различные характеристики феноменоло-

гии и социологии. Ведь феноменология является философией и по природе своей эгологична. Поэтому её анализ направлен на сознание. В то время как социология является наукой и по природе своей космологична. Её анализ, напротив, направлен на социальный мир и то, как он конструируется. Поэтому феноменология и социология отличаются по своей сущности, методам и целям. На этом основании Т.Лукман делает вывод о невозможности “феноменологической социологии”. Кроме того, он указывает, что феноменологический анализ жизнемира – это прото-социология, дающая надежную теоретическую базу для всей социологии. Так что налицо продолжение аргументации, отнесенной нами к первой линии – “функциональной”.

Несмотря на имплицитно присутствующее в творчестве Шюца неприятие термина “феноменологическая социология” и подробной аргументации против его использования, предпринятой его непосредственными учениками, спор об использовании этого термина фактически закончился ничем. Главной проблемой можно определить то, что фактически все академические обсуждения и споры по поводу использования термина “феноменологическая социология” велись в 60-е и 70-е годы прошлого столетия. Однако окончательный или широко признанный ответ так и не был найден. В последние годы проблематичность данного термина уже не вызывает столь бурных и частых споров. Ученые либо используют данный термин, либо предпочитают избегать его. Сравнительно недавние работы не привносят какой-либо новой формулировки или свежей аргументации, а являются скорее попыткой подытожить уже имеющиеся точки зрения по данному вопросу. В итоге современное англо-американское сообщество социологов преимущественно использует термин “феноменологическая социология”. В то же время европейская социология, в первую очередь немецкая, продолжает настаивать на невозможности существования “феноменологической социологии”.

Таким образом, перспектива феноменологического способа мышления и его институционального оформления в социологии остается открытой. Каждый ученый выбирает использование/неиспользование термина “феноменологическая социология” исходя из своего знания данного предмета и собственного удобства.

Такая ситуация является в том числе результатом кризиса, в котором пребывает феноменологическая парадигма. Пережив в начале–середине прошлого века стремительное развитие, сейчас проблемы категориально-понятийного аппарата и развития этого проекта не являются первоочередными для феноменологически ориентированных ученых.

По нашему мнению, новым толчком, несущим в себе огромный эвристический потенциал как для феноменологии, так и для социологии, должна стать разработка и реинтерпретация концепции символических универсумов, которая на сегодняшний день является лишь проектом, но с необходимостью должна быть развернута в теорию. Подобная концепция символических универсумов может служить для преодоления стереотипа об ограниченной познавательной способности феноменологического метода в социальных науках. При этом под “символическим универсумом” подразумевается мета-смысловой комплекс, который выступает матрицей видения и интерпретации объективных (природных), интерсубъективных (социальных) и субъективных процессов и феноменов. Только один символический универсум может выполнять роль доминирующего и таким образом удовлетворять стремление социальной системы к стабильности и предлагать индивиду интерпретативную схему, которая бы унифицировала и организовывала для него социальную реальность.

Как видно из этой короткой дефиниции, обновленная концепция символических универсумов может сделать существенный вклад в теорию общественных трансформаций, социализации, понятий – “социальная реальность, социальные отношения” и т.д.

Литература

1. *Гуссерль Э.* Феноменология. Статья в Британской энциклопедии / Э.Гуссерль // Логос. – 1991. – № 1. – С. 12–21.
2. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука / Гуссерль Э. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 357 с.
3. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Гуссерль Э. – М. : Дом интеллект. книги, 1999. – 336 с.
4. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Гуссерль Э. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 385 с.
5. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / Шюц А. ; пер. с нем. и англ. – М. : Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
6. *Berger P.* On existential phenomenology and sociology (II) / P.Berger // American Sociological Review 31: 1966. – P. 259–260.
7. *Berger P.* The social construction of reality / P.Berger, T.Luckmann // Garden City, NY : Doubleday, 1966.
8. *Luckmann T.* Phänomenologie und Soziologie, in: Walter Sprondel und Richard Grathoff (Hg.). Alfred Schütz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften / Luckmann T. – Stuttgart, 1979. – S. 196–206.
9. *Luckmann T.* Lebenswelt, Identität und Gesellschaft. Schriften zur Wissens und Protozoziologie. Hrgg. von Jochen Dreher, UVK Verlagsgesellschaft mbH / Luckmann T. – Konstanz, 2007. – 341 s.
10. *Natanson M.* Phenomenology and social sciences / M.Natanson // Northwestern University Press, 1973. – P. 464.